
МИРОСЛАВ ИВАНЦОВ
СЫН ЗА ОТЦА

Мирослав Иванцов

Сын за отца

«Автор»
2026

Иванцов М.

Сын за отца / М. Иванцов — «Автор», 2026

Отец Мирослава погиб на СВО, так и не успев рассказать сыну, что на самом деле двигало им. Чтобы понять отца и разобраться в себе, Мирослав сам подписывает контракт. Полигон, первые вылеты, товарищи, которые становятся ближе родных, и ранение, после которого начинается другая борьба - за ногу, за будущее, за право вернуться.Это история о сыне, который пытается догнать отца уже после его смерти. О матери, ждущей звонка. О девушке, предлагающей не жалость, а дом. О друзьях, оставшихся там. О медали «За отвагу» и о вопросе, на который нет простого ответа: вернуться на службу или начать мирную жизнь?Честный роман о мужестве, утрате, любви и цене выбора. Для тех, кто ценит правдивые истории о простых людях, которые являются настоящими героями.

© Иванцов М., 2026
© Автор, 2026

Мирослав Иванцов
Сын за отца

Глава 1. Похороны

Мать позвонила в половине восьмого. Мирослав ещё лежал и смотрел в телефон, прикидывая, успеет ли забежать в магазин перед работой. Звонок он пропустил: не хотел разговаривать спросонья. Через минуту она набрала снова.

— Мир, папа погиб.

Он сел на кровати и включил свет.

— Когда?

— Не знаю точно. Вчера приходили из военкомата.

— Почему ты вчера не позвонила?

Мать помолчала.

— Я ждала, вдруг ошибка. Они сказали, привезут бумаги. Сегодня привезли.

Мирослав спустил ноги на пол.

— Мам, ты одна?

— Тётя Галя со мной.

В трубке послышался голос, потом шорох. Мать, кажется, закрыла телефон рукой.

— Ты можешь приехать? — спросила она.

— Да. Сейчас посмотрю билеты.

— Похороны в четверг. Сказали, в четверг.

Она произнесла это дважды, и Мирослав понял, что записывать не нужно. День он запомнит.

После разговора он открыл приложение, нашёл поезд до Саратова. Билеты были только в плацкарте. Он купил нижнюю полку, потом позвонил на работу и сказал начальнику, что не выйдет несколько дней. Тот спросил, нужна ли помощь. Мирослав ответил, что пока нет, и положил трубку, не дослушав соболезнования.

В дорогу он собрался за двадцать минут. Положил в рюкзак бельё, свитер и зарядку. Достал из шкафа тёмную рубашку, повесил на спинку стула. На похороны пойдёт в ней.

На вокзал приехал слишком рано. До поезда оставалось больше часа. Мирослав сел в зале ожидания и отправил Лене сообщение: «Погиб отец. Еду в Саратов». Она перезвонила почти сразу.

— Ты уже выехал?

— На вокзале.

— Когда похороны?

— В четверг.

Лена спросила, встречает ли его кто-нибудь. Он сказал, что сам доедет до дома. Она ещё что-то говорила, но в зале объявляли посадку, и он попросил повторить.

— Я говорю, позвони, когда приедешь.

— Хорошо.

После звонка он купил бутылку воды и сел на прежнее место. Рядом устроилась женщина с двумя детьми. Мальчик лет пяти всё время сползал со скамейки, а девочка постарше поправляла его, когда кто-нибудь проходил мимо.

Мирослав достал телефон. Последний раз отец писал ему в начале месяца. Спрашивал, как дела. Мирослав ответил, что всё нормально, работы много. Отец поставил под сообщением большой палец. До этого была фотография: несколько человек в форме с оружием возле машины, отец крайний слева. Мирослав тогда увеличил её, но лицо всё равно было плохо видно.

В поезде Мирослав сел у окна. Напротив пожилой мужчина разложил на столике лекарства и долго искал в пакете очки. Когда поезд тронулся, мужчина попросил его достать воду: бутылка закатилась под сиденье.

В дороге Мирослав несколько раз собирался позвонить матери, но каждый раз откладывал. Не знал, что спросить. Отец служил уже несколько месяцев. Звонил редко, обычно говорил, что у него всё в порядке и спрашивал про дом. Мирослав никогда не понимал, сколько из того, о чём отец молчал, нельзя обсуждать по телефону, а сколько он просто не хотел рассказывать.

На одной из станций Мирослав вышел на платформу. Было прохладно. Из соседнего вагона вышла девушка в домашних тапочках, закурила и стала быстро говорить кому-то в трубку. Проводница окликнула её, когда поезд уже собирался отправляться.

Вернувшись на место, Мирослав увидел пропущенный звонок от матери. Перезвонил.

— Ты где сейчас? — спросила она.

Он назвал станцию.

— Я забыла тебе сказать. С отцом приедет человек, который с ним служил. Сергей. Он сегодня звонил.

— Зачем?

— На похороны. Проводить его.

— Он что-нибудь рассказал?

— Я не стала спрашивать по телефону. Тётя Галя с ним говорила.

Мирослав хотел попросить номер Сергея, но мать уже позвала тётю Галю. Та взяла трубку и начала объяснять, во сколько нужно быть на кладбище, кто заказал машину и почему не удалось договориться с одним из родственников. Мирослав слушал, глядя на белую занавеску у окна. Когда тётя Галя спросила, понял ли он, ответил:

— Да. Я утром буду.

Дома пахло едой. Тётя Галя жарила котлеты, мать сидела за кухонным столом и перебирала фотографии. На ней был старый домашний кардиган, который Мирослав помнил ещё со школы.

Она обняла его в прихожей. Обняла крепко и сразу отпустила.

— Ты ел?

— В поезде.

— В поезде не считается. Иди мой руки.

Мирослав сел на кухне. Мать подвинула к нему тарелку с котлетами и гречкой. Ей он тоже положил котлету, но она сказала, что уже ела.

— Какую фотографию выбрать? — спросила она.

На столе лежали снимки отца, распечатанные на обычной бумаге. На одном он стоял на берегу Волги в солнцезащитных очках. На другом сидел за праздничным столом и держал в руках рюмку. Ещё был старый снимок, сделанный во дворе: отец рядом с велосипедом Мирослава, обе руки в чёрной смазке.

— Есть где он один? — спросил Мирослав.

— Вот этот.

Мать показала фотографию, на которой отец стоял у окна. Он был в рубашке, волосы аккуратно причёсаны. Снимок Мирославу не нравился. Отец держался так прямо, как будто его попросили ни в коем случае не двигаться.

— Другого нет?

— Есть, где он улыбается, но там голова обрезана. Галя говорит, можно дорисовать.

— Не надо дорисовывать.

— Ну вот. Я тоже сказала.

Они выбрали снимок у окна. Тётя Галя взяла его и ушла в комнату звонить человеку, который занимался портретом.

Мирослав доел котлеты. Мать сложила остальные фотографии стопкой и отнесла в шкаф. Потом вернулась и села напротив.

— Я не знаю, что делать с его вещами, — сказала она.

— Пока ничего не делай.

— Они в коридоре стоят. Пакеты. Вчера привезли.

— Пусть стоят.

Мать кивнула. Она смотрела на его тарелку, потом протянула руку и убрала с края стола крошки.

— Он тебе давно звонил?

— В прошлом месяце.

— Мне тоже. — Она помолчала. — Сказал, что вернётся, будем кухню красить. Я ему говорила, давай людей наймём. А он не хотел. Говорил, там работы на два дня.

Мирослав посмотрел на стену возле окна. Отец ещё до отъезда зашпаклевал трещину, но закрасить так и не успел. Белая полоса тянулась почти до потолка.

— Он деньги мне перевёл перед последним звонком, — сказала мать. — Я просила не переводить. У нас же есть.

Мирослав не знал, что ответить. Он встал, отнёс тарелку к раковине и включил воду. Мать сказала, чтобы он оставил посуду. Он всё равно вымыл.

В своей комнате он достал рубашку и попросил у тёти Гали утюг. Та принесла его вместе с гладильной доской. Мирослав долго возился с рукавами. Ткань возле пуговиц никак не разглаживалась.

— Давай я, — сказала тётя Галя.

— Я сам.

Она постояла в дверях и ушла.

Он повесил рубашку на дверцу шкафа и лёг, не раздеваясь. В коридоре мать с тётей Галей негромко обсуждали завтрашний день. Кто-то должен был приехать к дому к девяти. Нужно было ещё забрать венки. Потом разговор стих, и Мирослав услышал, как мать закрывает двери комнат, проверяя, везде ли выключен свет.

Утром приехали родственники. Мирослав открыл двоюродному брату, которого не видел несколько лет. Тот пожал ему руку и сразу спросил:

— Нужен кто-нибудь за рулём?

— Вроде всё решили.

— Если что, скажи.

Он снял куртку, повесил её в прихожей и прошёл на кухню. Вскоре пришли ещё люди. Квартиру наполнили голоса, звук посуды, звонки телефонов. Мать переоделась и попросила Мирослава посмотреть, ровно ли лежит воротник. Он поправил, хотя и так было ровно.

Сергея он заметил уже на улице. Тот стоял немного в стороне от остальных, в тёмной куртке, с непокрытой головой. Был он примерно одного возраста с отцом. Тётя Галя подошла к нему, поговорила, потом подвела к матери.

Мирослав не расслышал, что Сергей ей сказал. Мать взяла его за руку и долго не отпускала.

На кладбище Сергей стоял рядом с Мирославом. Он никак не обозначил этого, просто оказался рядом, когда люди собрались у могилы. Мирослав смотрел на комья земли возле края.

Потом к нему подходили люди. Многие называли его по имени, некоторые представлялись. Он кивал и благодарил, хотя не всегда слышал, что ему говорят. Брат спросил, поедет ли он в машине с матерью. Мирослав сказал, что поедет.

На поминках в столовой мать сидела во главе, рядом с тётей Галей. Сергей устроился ближе к выходу. Говорил он мало. Когда одна из родственниц попросила его рассказать об отце, он отложил вилку и сказал:

— Мы вместе служили. Он многому меня научил. Не по службе даже, а вообще. Хороший был человек.

Родственница кивнула и промокнула глаза салфеткой. Сергей снова взял вилку, но есть не стал.

Мирославу хотелось спросить его сразу, при всех. Как это случилось, кто был рядом, долго ли отец... Он не договорил этот вопрос даже про себя. Вместо этого поднялся и вышел в коридор.

Возле окна стоял двоюродный брат и разговаривал по телефону.

— Нет, сегодня не получится, — говорил он. — Я же сказал, на похоронах.

Увидев Мирослава, он отвернулся и понизил голос.

Когда гости начали расходиться, выяснилось, что Сергей уезжает ночным поездом. Тётя Галя предложила ему побыть у них, чтобы не ждать на вокзале. Он сначала отказался, потом согласился.

Они вернулись домой втроём: мать, Мирослав и Сергей. Мать сразу ушла в свою комнату, а Сергей снял куртку и аккуратно повесил её на крючок в прихожей.

— Чай будете? — спросил Мирослав.

— Буду. Спасибо.

На кухне Мирослав поставил чайник. Сергей сел за стол, на то место, где вчера лежали фотографии. Несколько минут они молчали. Чайник щёлкнул, Мирослав достал две чашки и обнаружил, что сахарница пуста. Он открыл шкаф, нашёл пакет и насыпал сахар.

— Он вам много рассказывал о нас? — спросил Мирослав.

Сергей провёл пальцем по ручке чашки.

— Про тебя рассказывал. Про мать твою.

— Что именно?

— Разное. Говорил, ты учишься. — Сергей посмотрел на него. — Или уже закончил?

— Учусь.

Мирослав сел напротив. Из комнаты матери не доносилось ни звука.

— А про себя он что говорил?

Сергей не сразу ответил. Взял чашку, попробовал чай и поставил обратно.

— Ты о чём хочешь спросить?

Мирослав посмотрел на рассыпанный сахар и смахнул его в ладонь.

— Как он погиб.

Сергей кивнул. Потом встал и прикрыл дверь на кухню.

Глава 2. Сергей

Сергей вернулся на своё место. Он пододвинул чашку, но пить не стал.

— Нас было шестеро в доме, — сказал он. — Дом обычный, частный. Хозяева уехали давно. Вещей почти не оставили, только мебель и посуду. Мы там несколько дней стояли.

Он остановился и посмотрел на дверь.

— Папа сказал, что едет оператором? — спросил Сергей.

— Нет. Он вообще почти ничего не говорил. Мне казалось, что он с машинами что-то делает.

— Сначала он и был при машинах. Потом у нас людей не хватало. Его к нам перевели.

— Он сам хотел?

— Я не знаю. Когда я пришёл, он уже у нас был.

Мирослав откинулся на спинку стула. Он представлял отца где-то в мастерской, среди разобранных двигателей и колёс. Отец умел возиться с техникой. Когда он сказал, что собирается подписывать контракт, Мирослав ещё спросил: «Тебя куда, водителем?» Отец пожал плечами: «Посмотрим».

— Твой отец обычно утром вставал раньше всех, — продолжил Сергей. — Кофе себе делал. Растворимый, из больших пакетов. Мне он не нравился, я свой пил. А потом мой закончился, и я у него попросил. Он мне целую пачку отдал.

— Он кофе покупал везде, куда приезжал, — сказал Мирослав. — Дома у него шкаф был забит.

— Так он и говорил.

Мирослав вспомнил: мать действительно однажды выставила на стол все отцовские запасы, чтобы показать, сколько их. Отец пересчитал банки и сказал, что теперь хотя бы известно, чего не нужно покупать. Через неделю принёс ещё одну.

— А потом? — спросил Мирослав.

Сергей сцепил руки.

— Мы вернулись с боевого задания и легли отдохнуть. Твой отец был в соседней комнате. Туда и попало.

— Что попало?

— Ракета. Нам потом сказали, что ракета.

— А вы где были?

— В коридоре. Я с другим парнем. Он по телефону говорил, а я был рядом с ним.

Сергей потёр переносицу. Под ногтем у него была чёрная полоска. Мирослав заметил её, когда тот поднимал чашку, и теперь снова на неё посмотрел.

— Я сначала ничего не понял. Пыль, темно, слышно плохо. Парень рядом кричит, а я не могу разобрать, что он кричит. Потом встали оба, полезли к комнате.

— Он был живой?

— Нет.

Сергей ответил сразу. Мирослав ждал, что тот добавит что-нибудь ещё, но он молчал.

— Вы уверены?

— Да.

— Врача вызывали?

— Мирослав, там не нужен был врач.

— А кому он был нужен? Вы сказали, вас шестеро было.

— Двое раненых. Их забрали.

Мирослав посмотрел на чашку перед собой. Чай стал тёмным, на поверхности плавали несколько чаинок. Он достал их ложкой и положил на край блюдца.

— А остальные?

— Один со мной был, второй на улице. Трое остались целы.

— Почему вы остались целы, а он нет?

Сергей опустил глаза. Мирослав понял, как прозвучал вопрос, но забирать его не стал.

— Я не знаю, — сказал Сергей. — Я сидел бы в комнате, если бы телефон у парня не зазвонил. Мы с ним про какой-то фильм говорили, я хотел узнать название. Он вышел отвечать, и я за ним.

— Какой фильм?

— Не помню.

Они замолчали. На улице хлопнула дверца машины. Кто-то посигналил во дворе, потом ещё раз, дольше. Обычно в это время под окнами разгружали продукты в магазин на первом этаже.

— Он хотел вернуться? — спросил Мирослав.

Сергей нахмурился.

— Конечно, хотел.

— Не когда-нибудь. Вообще уйти оттуда.

— Он про это со мной не говорил.

— Может, кому-то другому говорил.

— Может. Я же не всё знаю.

Сергей встал и подошёл к окну. Попросил разрешения закурить. Мирослав нашёл на подоконнике старую банку из-под кофе и открыл форточку. Сергей прикурил, затянулся и тут же погасил сигарету.

— Извини. Не хочется чего-то.

Он положил окурок в банку и снова сел.

— Я пришёл позже твоего отца. Месяца на два, наверное. Первое время он мне всё показывал, объяснял. Я спросил у него, почему он туда пошёл. Он сказал: «Дома сидел, телевизор смотрел и ругался. Надоело».

— И всё?

— Мне он так ответил. Может, ещё кому-нибудь по-другому.

Мирославу не понравилось, что отец мог сказать такое. Не потому, что это было неправдой. В последние месяцы перед отъездом отец действительно много смотрел телевизор. Мать просила сделать потише, он убавлял звук, а через несколько минут снова прибавлял. За ужином он повторял услышанное, Мирослав спорил с ним. Один раз разговор закончился тем, что отец выключил телевизор и ушёл курить на балкон.

Потом они не разговаривали до самого вечера. Мирослав тогда первым зашёл на балкон и попросил отвёртку. Отец сказал, где она лежит. Отвёртка Мирославу была не нужна, но он всё равно взял ее.

— Вы с ним близко общались? — спросил он.

— Мы рядом были. Близко или нет, не знаю.

— Он о нас каждый раз спрашивал. Как мать, как я. Только про себя ничего не говорил.

— Он и нам не всё говорил. Про тебя, например, рассказывал, что ты упрямый. Как упрёшься, так всё.

— А он сам?

— Вот это я и спросил. Он сказал: «Я-то понятно».

Сергей улыбнулся и сразу отвёл взгляд. Мирослав тоже усмехнулся. Он увидел, как отец произносит эти слова, даже движение руки представил. Отец обычно разводил ладони, когда хотел закончить спор, который сам же начал.

— Он вам про собаку не рассказывал? — спросил Сергей.

— Какую собаку?

— Там прибилась одна. Рыжая такая, ухо надорвано. Он её подкармливал. Мы ему говорили, перестань, она теперь вообще не уйдёт. А он: «Куда ей уходить?»

— И что с ней?

— Не знаю. Мы потом переехали. Он ещё обошёл дома рядом, искал её перед отъездом. Не нашёл.

Мирослав облокотился на стол.

— Почему вы к нам приехали?

— Обещал ему.

— Что обещали?

— Сказал, если что случится, съезжу к вам. Он меня об этом не просил. Мы разговаривали как-то, я сам предложил.

— И он согласился?

— Сказал: «Ну, съезди».

Мирослав долго смотрел на него. В этом коротком слове было что-то от отца: не отмахнулся, не сказал, что ничего с ним не случится, и обсуждать дальше не стал. Но теперь Мирославу хотелось узнать весь разговор.

— А вы ему что сказали? Про свою семью?

— У меня дочь. Я адрес написал ему, телефон.

— Он записал?

— В блокнот.

— И где этот блокнот?

— Не знаю. Остался там, наверное.

Мирослав хотел спросить, пытался ли кто-нибудь его найти, но не стал. Сергей и так уже сидел перед ним, отвечал на вопросы, на которые у самого Мирослава не хватило бы терпения отвечать. Но кое-что он всё же спросил:

— Вы к нему в комнату тогда зашли?

— Зашёл.

— Не помните, блокнот где был?

— Нет. Не до блокнота было.

Сергей сказал это без злости, но Мирослав почувствовал, что усталость у него наконец взяла верх. Веки покраснели, волосы на висках были примяты, словно он только что снял шапку, хотя пришёл без неё.

— Простите, — сказал Мирослав.

— Да ничего.

— Я не знаю, зачем спросил.

— Я бы тоже спрашивал.

Из комнаты вышла мать. Она переоделась в домашнюю кофту, волосы распустила. Увидев, что чайник стоит на столе, спросила, не остыл ли чай. Сергей ответил, что как раз собирался допить.

— Я пирог нарежу, — сказала она.

— Мам, не надо, — попросил Мирослав. — Мы только из-за стола.

— Он с собой возьмёт. В поезде поест.

Она достала пирог из холодильника. Сергей сначала отказывался, потом согласился. Мать завернула куски в фольгу, нашла пакет и положила всё на край стола.

— Вы когда туда возвращаетесь? — спросила она.

— Через несколько дней. Ещё домой съезжу.

— Дочь увидите?

— Да. Она у матери сейчас.

Мать села рядом с Мирославом.

— Я вас всё спросить хотела. Он хоть ел там нормально?

Сергей посмотрел на пакет с пирогом.

— Ел. Готовил иногда. Суп варил.

— Он дома только картошку жарил, — сказала мать.

— А у нас научился суп варить. Правда, один раз так перца насыпал, что никто не смог есть. Кроме него самого. Сидел, ел, говорил, отличный суп.

Мать покачала головой.

— Он перец во всё сыпал. Я ему говорила, что желудок испортит.

Она ещё немного посидела с ними, потом ушла к себе.

Когда дверь за ней закрылась, Мирослав спросил:

— Вы давно служите?

— Почти год.

— Тяжело было привыкнуть?

— К чему?

— Ко всему.

Сергей пожал плечами.

— Сначала всё время ждёшь чего-то. Потом привыкаешь ждать. А бывает, неделю спокойно, начинаешь думать, что так и будет.

— На полигоне учат этому?

— Там другому учат. Спать где придётся, наверное, тоже привыкаешь.

— Долго вы были на полигоне?

— Около двух месяцев.

Мирослав хотел расспросить подробнее, но Сергей посмотрел на часы.

— Мне пора собираться.

Мирослав предложил вызвать машину. Пока ждали, он принёс Сергею зарядку и предложил оставить себе. Тот отказался.

— У меня есть. Просто забываю вовремя ставить.

У двери Сергей протянул ему руку.

— Если что захочешь спросить, звони. У Гали мой номер есть.

— Хорошо.

— И ты не думай, что он там один был. Мы вместе были.

Мирослав кивнул. Мать вышла проводить Сергея и напомнила про пирог. Он взял пакет, попрощался и спустился по лестнице. Лифт в тот день опять не работал.

В квартире стало тихо. Мать убрала чашки и пошла мыть посуду. Мирослав предложил помощь, но она попросила его проверить, закрыта ли входная дверь. Он проверил и вернулся в кухню.

— Он хороший, — сказала мать.

— Да.

— Я сначала думала, не смогу с ним разговаривать. А он пришёл, и вроде нормально. Он пирог взял?

— Взял.

Мать вытерла руки и заглянула в холодильник.

— Завтра надо будет продукты разобрать. Нам столько всего оставили. Ты когда обратно?

— Пока не знаю. Побуду несколько дней.

— На работу звонил?

— Да. Сказал, что задержусь.

Она закрыла холодильник. Мирослав заметил, что на дверце по-прежнему висит листок с номерами телефонов. Отец когда-то написал их крупными цифрами: сантехник, электрик, диспетчерская. Бумага пожелтела и завернулась по краям. Мирослав не стал её поправлять.

Вечером он написал Лене, что отца похоронили. Лена ответила, что ждёт его звонка. Он набрал её из своей комнаты.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально. Устал.

— Ты вчера не позвонил.

— Извини. Совсем забыл.

Лена немного помолчала, потом спросила, как мать. Мирослав рассказал про Сергея, про кладбище и про людей, которых не видел с детства. Хотел пересказать, что узнал об отце, но получилось только несколько фраз.

— Ты с мамой пока останешься? — спросила Лена.

— Да.

После разговора он лёг, но свет выключать не стал. Из соседней комнаты доносился негромкий звук телевизора. Мать обычно не смотрела его так поздно. Мирослав встал и подо-

шёл к её двери. Подумал, что она уснула, а телевизор забыла выключить, но услышал, как она двигает стул. Возвращаться в кровать не хотелось, и он постучал.

— Мам, ты не спишь?

— Нет. Заходи.

Она сидела на краю дивана с открытой коробкой на коленях. Рядом лежали старые фотографии.

— Нашла ещё одну, — сказала она. — Смотри.

На снимке отец стоял на даче у мангала. Дым шёл ему в лицо, он щурился и держал в руке шампур. Она подержала фотографию ещё немного и положила обратно в коробку.

— Он перед отъездом мне телефон оставил. Старый. Просил фотографии не удалять, там с дачи ещё есть. Я сегодня искала, не нашла. Надо в комоде посмотреть.

— Завтра найдём.

Мать закрыла коробку. Мирослав вернулся к себе.

Перед сном он открыл сообщения отца и снова посмотрел фотографию возле машины. Увеличил лицо. От этого оно стало ещё более размытым. Мирослав отложил телефон, потом взял опять и сохранил снимок. Спустя минуту сохранил ещё раз, не заметив, что первый уже появился в галерее.

Он выключил свет и долго лежал, слушая телевизор за стеной. Когда тот наконец замолчал, Мирослав услышал, как мать прошла на кухню, налила воды и вернулась в комнату.

Завтра матери позвонили из военкомата и пригласили её с Мирославом на вручение отцовской награды. Она выслушала, записала время на обороте старой квитанции и только после звонка сказала сыну:

— Папу наградили. Орденом Мужества. Посмертно.

Мирослав взял у неё квитанцию. Мать написала адрес, число и обвела время. На другой стороне значилась сумма за электричество.

В назначенный день мать достала из шкафа тёмное платье, которое надевала на похороны. Мирослав ждал её в коридоре. На нём была та же рубашка. Она снова помялась в сумке, и утром он попросил у матери утюг.

В военкомате их встретила сотрудница, проверила документы и проводила в зал. Кроме них, пришли родственники ещё нескольких погибших. Женщина в первом ряду всё время поправляла край платка. Рядом с ней сидел мальчик и держал на коленях папку. Он спросил что-то у матери, она наклонилась к нему и ответила шёпотом.

Мирослав с матерью сели ближе к проходу. Перед началом к ним подошёл военный комиссар, представился и попросил мать проверить данные в документе.

— Всё правильно, — сказала она.

Когда назвали отца, мать поднялась. Мирослав встал рядом. Военком зачитал, что отец награждён орденом Мужества посмертно, и вручил матери награду и удостоверение. Она приняла футляр обеими руками, поблагодарила и на несколько секунд задержалась, не понимая, можно ли уже возвращаться на место. Мирослав взял её под руку.

После вручения к ним подошёл сотрудник военкомата и спросил, нужны ли какие-нибудь справки. Мать хотела ответить сразу, но достала из сумки листок, который они подготовили с тётей Галей. Сотрудник посмотрел список и сказал, в какой кабинет обратиться по каждому вопросу. Мирослав записал номера рядом с адресами.

На улице мать открыла футляр. Удерживая его одной рукой, коснулась ордена пальцем.

Она закрыла футляр и убрала в свою сумку. По дороге домой несколько раз проверила, застёгнута ли молния.

На кухне мать положила футляр рядом с фотографиями. Посидела, потом открыла шкаф и освободила место на полке с документами. Мирослав убрал туда удостоверение. Мать хотела поставить рядом орден, но передумала и ещё раз раскрыла футляр.

— Тебе показать?

— Я видел.

— Возьми. Я плохо держала, ты, наверное, не рассмотрел.

Он взял футляр. Орден был тяжёлым. Мирослав прочитал удостоверение, проверил фамилию отца, хотя мать уже смотрела. Потом вернул ей награду.

— Здесь пусть лежит? — спросила она, указывая на полку.

— Давай. Только не задвигай далеко.

Мать поставила футляр рядом с папкой. Через минуту снова открыла шкаф и переложила его ближе к краю. Вечером она позвонила тёте Гале и рассказала о вручении. Мирослав слышал из комнаты, как мать объясняет, что всё хранится вместе с документами и что он был рядом.

Глава 3. Оформление

Следующим утром Мирослав проснулся от звонка в дверь. Мать открыла, и в прихожей послышались мужские голоса. Он посмотрел на часы: было почти десять.

На кухне сидели двое соседей. Один держал на коленях ящик с инструментами, другой изучал что-то под раковиной. Мать стояла рядом с полотенцем в руках.

— У нас смеситель течёт, — объяснила она Мирославу. — Я ещё на прошлой неделе дяде Вите сказала. Они вот пришли.

— Там прокладку надо поменять, — сказал сосед из-под раковины. — Пять минут делов.

Через полчаса выяснилось, что прокладкой не обойтись. Один из соседей сходил к себе за другой деталью, а мать всё это время держала таз под трубой. Мирослав предложил её сменить, но она отказалась.

— Вы сядьте, чай попейте. Здесь и без вас тесно.

Он сел за стол с соседом Витей. Тот достал из кармана сигареты, посмотрел на мать и убрал их обратно.

— Отец твой мне с машиной помогал, — сказал он. — Я ему всё собирался деньги отдать, а он не брал. Говорил, сам потом попрошу что-нибудь.

— Он вообще деньги не любил брать, — ответила мать.

— Ну да. А потом у него дверь на балкон заклинило, он меня позвал. Я пришёл, смотрю, там петля разболталась. Подкрутили, и всё.

Мирослав помнил эту дверь. Однажды она заела, когда он вышел на балкон курить, и он минут десять стучал в стекло, пока отец не вернулся из магазина. В тот день они собирались ехать на дачу. Отец зашёл в комнату с пакетами, увидел сына за стеклом и долго смеялся, прежде чем открыть.

Соседи закончили ближе к полудню. Смеситель больше не капал, но под раковиной оставили таз.

— На всякий случай, — сказал сосед. — Если к вечеру сухо будет, убирайте.

Мать проводила мужчин и сразу стала мыть пол на кухне. Мирослав забрал у неё тряпку.

— Иди лучше отдохни. Я домою.

Она посмотрела на него, потом сняла с холодильника список продуктов.

— Тогда я в магазин схожу. Хлеба нет.

Когда мать ушла, Мирослав вымыл пол. В шкафчике под мойкой лежала отцовская связка ключей от дачи. Он достал её, повертел в руке и положил на стол, чтобы мать увидела.

Потом вспомнил про телефон. Вчера она сказала, что он должен быть в комоде.

В верхнем ящике лежали документы, старые гарантийные талоны и конверты с фотографиями. Во втором нашлись батарейки, коробочка с пуговицами, два фонарика без крышек и несколько зарядных устройств. Телефон обнаружился внизу, под стопкой скатертей.

Он был чёрный, с треснувшим углом экрана. Мирослав нажал на кнопку, но ничего не произошло. Среди проводов нашёл подходящий, подключил телефон к розетке и оставил на тумбочке.

Мать вернулась с хлебом и пакетом яблок.

— Телефон нашёлся, — сказал он.

— А где был?

— Под скатертями.

— Я туда убрала, чтобы не мешался. Совсем забыла.

Она поставила пакет на стол и посмотрела на ключи.

— На дачу надо будет съездить. Там воду перед холодами перекрыть.

— Я съезжу.

— Не сейчас. Потом.

Они пообедали остатками со вчерашнего дня. Мать ела медленно, всё время подкладывала Мирославу то картошку, то огурцы. Он отказывался, но тарелка всё равно наполнялась.

После обеда позвонила тётя Галя. Мать долго разговаривала с ней в коридоре, потом зашла в комнату Мирослава.

— Галя вечером приедет. Документы надо разобрать.

— Какие документы?

— Из военкомата. И ещё там по выплатам. Я сама пока не понимаю.

— Я останусь, помогу.

— Посмотрим. Галя уже узнавала.

Телефон к тому времени зарядился. Мирослав включил его и отнёс матери. Та провела пальцем по экрану, попробовала один код, потом другой.

— Он говорил мне пароль. Я записала куда-то.

— Может, как у него раньше был?

— Я пробовала.

Мать перебрала несколько вариантов и наконец открыла телефон. Села на диван и стала смотреть фотографии. Мирослав устроился рядом. На экране появлялись снимки дачи, грядок, соседского кота. Отец фотографировал по несколько раз одно и то же: кота под кустом, кота на дорожке, кота возле забора.

— Он его подкармливал, — сказала мать. — Хозяева всё время ругались. Говорили, домой приходит и не ест.

Сергей тоже рассказывал про животное, которое отец кормил. Мирослав хотел сказать матери про рыжую собаку, но не стал. Она листала фотографии и иногда останавливалась, чтобы рассмотреть какую-нибудь деталь.

На одном снимке был Мирослав. Он сидел за столом на даче и чистил картошку. Рядом стояла миска с водой.

— Ты тогда палец порезал, — сказала мать.

— Я всегда резался этим ножом.

Они ещё посмотрели фотографии.

— Можно я у себя телефон оставлю? На память, — спросил он у матери.

— Да, конечно, бери, — ответила она.

Вечером приехала тётя Галя с папкой. Она разложила бумаги на столе, достала ручку и стала объяснять матери, куда нужно обратиться. Мирослав записывал адреса на отдельном листе. Несколько раз тётя Галя поправляла его: здесь нужна копия, сюда надо звонить заранее, а это пока не трогать.

— Я с тобой съезжу, — сказал он матери.

— В понедельник?

— Да.

— Ты разве не возвращаешься на учебу?

— Пока нет.

Тётя Галя посмотрела на него, но ничего не сказала.

Они закончили поздно. Тётя Галя вызвала такси, а мать принялась собирать бумаги в папку. Мирослав помог ей и убрал папку в шкаф.

На следующий день они съездили по первому адресу, потом по второму. В одном месте им сказали вернуться с копией документа. Копировальный аппарат в соседнем здании не работал, пришлось идти через дорогу. Мать устала и ждала на скамейке, пока Мирослав стоял в очереди.

Когда он вернулся, она спросила:

— Всё получилось?

— Да.

— А то я уже думала, закрыто.

Она взяла его под руку, когда переходили дорогу. Дома легла и проспала почти три часа. Мирослав сидел на кухне с телефоном, отвечал на сообщения однокурсников и коллег. Начальник написал, что заявление на отпуск за свой счёт можно оформить позже.

К вечеру мать проснулась и спросила, не хочет ли он поесть. Мирослав сказал, что приготовит сам. Нашёл в морозилке пельмени, сварил, поставил на стол сметану.

— Он последние дни перед отъездом всё вещи перекладывал, — сказала мать. — Положит что-нибудь в сумку, потом достанет.

— Боялся что-то забыть?

— Наверное. Я спрашивала, что ему ещё купить. Он говорил, ничего не надо. А потом оказалось, носки забыл.

— Купил там?

— Я ему посылку отправляла. Два раза. Во второй положила то, что он просил, и ещё варенье.

— До него дошло?

— Сказал, что дошло. Варенье они быстро съели.

Мирослав спросил, не сохранились ли списки того, что отец просил. Мать удивилась:

— Зачем тебе?

— Просто интересно.

Она покачала головой.

— На бумажке писала. Выкинула давно.

После ужина открыл переписку с Сергеем. Тот прислал ему номер ещё вчера, когда был в поезде.

Мирослав написал: «Доехали нормально?»

Ответ пришёл через час: «Да, спасибо. Дома».

Мирослав долго держал телефон в руке. Наконец спросил, как Сергей попал в подразделение.

«После полигона распределили», — ответил тот.

«А сам просился?»

«Нет. Сказали, есть место. Меня спросили, с техникой дружу или нет. Я сказал, что дружу».

Мирослав набрал ещё вопрос, стёр и написал другой:

«Я думаю пойти по контракту. Можно вам позвонить?»

Сергей ответил не сразу. Мирослав уже положил телефон на стол, когда тот зазвонил.

— Ты чего решил? — спросил Сергей без приветствия.

— Пока ничего. Просто думаю.

— Мать знает?

— Нет.

— И не говори ей, пока просто думаешь.

— Я хочу понять, как это вообще происходит.

— Идёшь в военкомат, подаёшь документы. Потом медкомиссия, проверки. Если всё нормально, отправляют на подготовку.

— Туда, где вы были?

— Не обязательно. Мест много.

На другом конце послышался детский голос. Сергей попросил кого-то подождать и отошёл.

— Мирослав, я сейчас дома сижу. Дочка рядом. Мне неудобно разговаривать.

— Извините.

— Не в этом дело. Я просто не знаю, что тебе сказать. Если из-за отца решил, то подумай ещё. Он бы точно не хотел, чтобы ты из-за него шёл.

— Вы не можете знать.

— Не могу. Но я его знал. Он про тебя говорил, что ты должен свою жизнь устраивать.

Мирослав промолчал.

— Ты завтра позвони, — сказал Сергей. — Я тебе нормально расскажу, как у меня было. Только я за тебя ничего решить не смогу.

После разговора Мирослав вышел на кухню. Мать сидела перед телевизором и чистила яблоко. Она отрезала кусок и протянула ему.

— Будешь?

Он взял. Яблоко было кислое, мать тоже попробовала и поморщилась.

— Надо было другие брать.

Мирослав стоял у стола, пока она резала яблоко дальше. Потом сел.

— Мам, я хочу с тобой поговорить.

Она сразу положила нож.

— Что случилось?

— Я думаю на СВО пойти.

Мать посмотрела на него, потом на тарелку. Сдвинула нож подальше от края.

— Ты только отца похоронил.

— Я знаю.

— И ты мне такое говоришь?

— Я пока ничего не подписал.

— Не надо подписывать.

Он собирался объяснить, но не нашёл слов. Рассказать про Сергея? Про отца, который искал собаку перед отъездом? Всё это было важно для него, но ни одна из этих историй не объясняла его решение.

— Ты вернешься в Москву, — сказала мать. —Придёшь в себя.

— А если я не передумаю?

— Тогда я всё равно буду против.

— Я не хочу сейчас это обсуждать.

Мирослав остался за столом. Мать выключила телевизор и ушла. Он помыл нож и доску, положил их сушиться. Потом проверил таз под раковиной. На дне было сухо.

На следующий день Мирослав взял паспорт, военный билет и поехал подавать заявление. Перед выходом он сказал матери.

— Я вчера с Сергеем говорил, — сказал он. — И сейчас пойду документы подавать.

— Я тебя просила подождать.

— Я помню.

— Ты уже всё решил?

— Да.

Мать долго молчала. Потом сказала:

— Ты мне всё рассказывай. Куда отправляют, когда. Не надо как отец: «У меня всё нормально», а где ты и что с тобой.

— Буду рассказывать.

— И не обещай, если не собираешься.

— Я буду, мам.

Мирослав приехал военкомат, постоял перед входом. Перед кабинетом сидели несколько человек. Он спросил, кто последний, и занял очередь.

Глава 4. Сборы

Перед кабинетом Мирослав просидел почти два часа. Мужчина, которого он спросил про очередь, успел рассказать, что приехал из области и теперь боится опоздать на последний автобус. Ещё один несколько раз выходил в коридор поговорить по телефону. Каждый раз он просил собеседника не волноваться и обещал перезвонить, когда освободится.

У Мирослава забрали заявление и проверили документы. Сотрудница вернула ему паспорт, попросила сделать копии нескольких страниц и сказала, когда прийти на медицинское освидетельствование.

— Куда меня могут отправить? — спросил он.

— После оформления узнаете.

— Я хотел бы оператором беспилотника.

Женщина подняла глаза от бумаг.

— Опыт есть?

— Нет.

— Напишите здесь, какое образование и где работали. На комиссии тоже скажите, куда хотите. Дальше будут смотреть.

Она подвинула к нему анкету. Мирослав заполнил её, перечитал и только потом заметил, что пропустил одну строку. Сотрудница нашла для него чистый бланк.

Дома Мирослав достал папку с документами, разложил на столе то, что понадобится на комиссии. Несколько фотографий пришлось искать в старом конверте. Они лежали вместе с квитанциями и чеками на бытовую технику. На одной он был ещё совсем молодой и смотрел в камеру так серьёзно, будто его попросили не улыбаться. Он отложил фотографию в сторону, потом всё же положил обратно.

Потом позвонил Лене.

— Ты в Москву скоро вернешься?

— Пока нет.

— Мама одна осталась? — спросила она.

— Галя к ней ходит. Соседи помогают.

— Лен, я сегодня заявление подал.

Она не сразу поняла.

— Какое заявление?

— На контракт.

— И давно ты собирался?

— Недавно.

— Маме сказал?

— Сказал.

— И что она?

— Против.

— Я тоже против.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты говоришь так, будто я должна сейчас привыкнуть к этому и помочь тебе вещи собрать.

— Я не прошу собирать.

— А что ты просишь?

— Ты уже сходил и подал заявление.

— Да.

— Почему?

Он рассказал про Сергея. Про то, как тот сидел у них на кухне и отвечал на вопросы. Лена слушала, не перебивая. Когда он закончил, спросила:

— Он тебя туда позвал?

— Нет. Даже отговаривал.

— Тогда я не понимаю.

— Я тоже не всё могу объяснить.

— Попробуй.

— Я всё время думаю, что отец уехал, а я про него почти ничего не знал. Когда он звонил, я спрашивал, как дела, он говорил, что нормально. И я соглашался. Мне было удобно, что нормально.

— Ты хочешь поехать, чтобы узнать, что с ним было?

— Наверное, не только поэтому.

— А ещё почему?

Он помолчал.

— Не знаю, как здесь оставаться. Я не могу вернуться и заниматься тем же самым.

— А мама должна остаться одна и ждать ещё тебя?

— Я с ней говорил.

— Ты сам сказал, она против.

— Я не хочу с тобой ругаться, — сказал он.

— Я тоже. Но если ты уже решил, то что ты от меня хочешь?

Они помолчали.

— Когда тебя могут отправить?

— Пока не знаю. Сначала комиссия.

— Ты хотя бы прочитал, что будешь подписывать?

— Ещё ничего не подписывал.

— Когда дадут, прочитай. Не говори потом, что не знал.

На комиссии ему измеряли давление, проверяли зрение, задавали вопросы о болезнях и прежних травмах. У одного кабинета он снова встретил мужчину из очереди, который боялся опоздать на автобус. Тот обрадовался, как знакомому.

— Успели тогда? — спросил Мирослав.

— На автобус? Нет. У сестры ночевал. Зато сегодня утром она мне с собой еды дала.

Мужчина раскрыл пакет и показал контейнер с котлетами. Предложил одну, но Мирослав отказался. К обеду мужчина исчез, и Мирослав больше его не видел.

В другой день ему сказали, что по результатам оформления он сможет заключить контракт. Перед подписанием Мирослав попросил время ознакомиться с документами. Сотрудник указал на свободный стул у окна.

Он читал долго. Несколько пунктов перечитал дважды, по одному задал вопрос. Ему объяснили, где указаны срок и условия, и попросили проверить личные данные. В фамилии ошибки не было, а в адресе обнаружилась пропущенная цифра. Бумагу переделали.

Когда всё закончилось, Мирослав вернулся домой. Мать спросила, что сказали врачи.

— Всё прошёл, — ответил он. — Контракт тоже подписал.

— Когда отправят?

— Дату ещё сообщат. Сказали, готовиться.

Мать помолчала.

— На дачу я с Витей съездила. Воду перекрыли. Ключи у меня.

Вечером он написал Лене, что подписал контракт. Она ответила только через несколько часов: «Понятно. Когда уезжаешь?»

«Пока не знаю».

«Напиши, когда узнаешь».

Он собирался отправить ещё что-то, но оставил телефон на столе. После разговора на кухне он несколько раз набирал её номер и отменял вызов. Убедить Лену в правильности своего решения он всё равно не мог. А говорить с ней о чём-то другом пока не получалось.

Дату отправки ему сообщили в конце недели. Выезд завтра. Ехать предстояло в Ростовскую область, на подготовку.

Потом позвонил Лене. Сказал, что завтра уезжает.

— Я тебе напишу, когда приеду, — сказал он.

— Напиши.

— Я не знаю, как с тобой разговаривать, — сказала она. — Как будто если скажу что-то не то, мы опять поссоримся.

— Мы не поссорились.

— Для тебя, может, и нет. Я тогда сильно злилась.

— На меня?

— А на кого ещё? Ты не сказал мне, что собираешься делать. А ты уже решение принимал.

— Прости.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал. Но я не буду сейчас делать вид, что одним разговором могу тебя остановить.

— Я не знаю, что дальше будет, — сказал он.

— Я тоже.

Утром он добрался до места сбора. Люди стояли небольшими группами, кто-то курил, кто-то прощался с родными. Мирослав позвонил матери. Она уже не спала.

— Ты поел? — спросила она.

— Да.

— Когда приедешь, сразу напиши. Даже если поздно будет.

— Напишу.

Он хотел спросить, как она спала, но их позвали к автобусу. Он сказал матери, что перезвонит, и убрал телефон.

Дорога заняла много часов. Сосед Мирослава по креслу, плотный мужчина с короткой стрижкой, большую часть пути спал, прижав к груди куртку. На остановке он проснулся и спросил, сколько времени. Мирослав показал ему часы на телефоне.

— Я думал, уже вечер, — сказал мужчина.

— Ещё нет.

Они вышли размять ноги. Мужчину звали Дима. Он купил воду, но не смог открыть бутылку и попросил Мирослава помочь. Мирослав открутил крышку, вернул бутылку и заметил, что Дима бережёт правую руку.

— Палец недавно ушиб, — объяснил тот. — Думал, уже прошло.

— На комиссии сказали, нормально?

— Сказали, нормально. Шевелится же.

К месту подготовки в Ростовской области они приехали затемно. Их построили, пересчитали и повели размещаться. Мирославу досталась кровать возле стены. Он поставил сумку под неё и достал телефон. Связь появилась не сразу.

Матери он написал: «Доехал. Всё нормально. Завтра позвоню».

Лене отправил почти то же самое, потом добавил: «Рядом парень едет со мной от самого сбора. Дима. Уже познакомились».

Ответа не было. Мирослав посмотрел на время и решил, что она, наверное, спит.

Дима тем временем пытался застелить кровать. Простыня всё время сбивалась, он сердился и не мог заправить дальний угол.

— Подержи, пожалуйста, — попросил он.

Мирослав обошёл кровать и натянул простыню с другой стороны. Дима заправил край под матрас и наконец отпустил.

— Дома жена всегда это делает. Смеётся надо мной.

— У меня тоже с первого раза не получалось, — сказал Мирослав.

Он вернулся к своей кровати, сел и снял ботинки. Телефон коротко завибрировал. Лена написала: «Хорошо, что доехали. Спокойной ночи».

Мирослав пожелал ей спокойной ночи и поставил телефон на зарядку. Перед тем как лечь, он проверил, дошло ли сообщение матери. Оно ещё не было прочитано.

Глава 5. На полигоне

Мирослава разбудили, когда за окнами ещё было темно. Он сел на кровати и несколько секунд не мог понять, где находится. В комнате уже включили свет. Дима на соседней кровати пытался натянуть носок, придерживая его ушибленной рукой.

— Ты встал? — спросил он.

— Встал.

— Я тебя два раза звал.

Мирослав быстро оделся. В коридоре стояла очередь в умывальную, и ему пришлось ждать. Позади кто-то спросил, долго ли ещё. Человек перед Мирославом обернулся и показал пустую зубную щётку:

— Я даже пасту ещё не выдавил.

На улице было холоднее, чем Мирослав ожидал. Он пожалел, что не надел под форму ещё одну кофту. Дима тоже поёжился и сказал, что вчера вечером было теплее.

— Вчера вечером мы в автобусе сидели, — ответил Мирослав.

— Ну так и было тепло.

Их пересчитали, объяснили распорядок и отправили завтракать. За столом Мирослав сел напротив Димы. Тот положил сахар в кашу, попробовал и скривился.

— Соль, что ли?

Мирослав попробовал свою.

— У меня нормальная.

Дима рассмотрел банку, из которой сыпал, потом передал её через стол. На бумажной полоске было написано «соль». Мирослав поставил банку обратно и подвинул ему хлеб.

— Ешь так. А то до обеда не дотянешь.

— Дома скажу, что здесь даже кашу солить научился.

В столовой было шумно. Люди переговаривались через столы, торопились допить чай. Мирослав заметил, что у него в кармане вибрирует телефон, но доставать не стал. Позже увидел сообщение матери: «Доброе утро. Как доехали?» Он ответил, что приехали нормально, и написал про холод. Через минуту мать прислала: «А я говорила, кофту возьми».

Кофта у него была. Он достал её из сумки после завтрака и надел.

Первый день прошёл за списками, получением вещей и объяснениями, куда идти и к кому обращаться. Мирославу выдали ботинки, которые сначала показались великоваты. Он вернулся к столу выдачи и попросил другой размер. Там уже собралась очередь из тех, кому что-то не подошло.

— Пройдитесь ещё раз, — сказал человек за столом.

Мирослав прошёл до двери и обратно.

— Пятка поднимается.

Ему принесли другую пару. В новых ботинках было тесно. Он снова надел первые, затянул их крепче и решил оставить.

К вечеру ноги всё равно болели. Дима сидел на кровати и рассматривал свой палец. Он заметно опух.

— Ты показывал кому-нибудь? — спросил Мирослав.

— На комиссии показывал.

— Это до дороги было.

— Завтра схожу.

Дима произнёс это без особой уверенности. Мирослав хотел настоять, но в комнату вошёл человек, который утром будил их, и попросил приготовиться к вечерней проверке. Они быстро убрали вещи

После отбоя Мирослав лежал в темноте и слышал, как кто-то на другом конце комнаты негромко разговаривает по телефону. Разобрать слова было нельзя. Разговор закончился, экран погас, но Мирослав всё ещё не мог уснуть. Он достал свой телефон и увидел сообщение от Лены: «Как первый день?»

Он написал, что день прошёл в очередях. Потом добавил про Диму и солёную кашу. Лена ответила почти сразу: «Вот о таком и рассказывай. Не только что всё нормально».

Он хотел спросить, как прошёл её день, но телефон попросил зарядку. Мирослав встал, нашёл свободную розетку и подключил его. Когда вернулся к кровати, Дима спросил:

— Спать хочешь?

— Да.

— Я думал, здесь раньше ложатся.

— Здесь и встают раньше.

— Я заметил.

Утром Дима всё-таки пошёл показывать руку. Вернулся с повязкой и сказал, что ему велели несколько дней беречь палец и снова показаться, если боль не пройдёт. Он не выглядел довольным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.